

Необходимо предостеречь читателей от неправильной, антимарксистской, «норманской» теории происхождения Русского государства. Известная ценность лекций Преснякова в том, что они дополняют лекции Ключевского, ставят ряд интересных вопросов и пробуждают интерес к высоконаучным изысканиям в области летописей акад. А. А. Шахматова, незаслуженно забытого в последнее время в наших исторических работах.

Проф. В. Пархоменко

АРИСТОТЕЛЬ—О частях животных. Перевод с греческого. Вступительная статья и примечания В. П. Карпова. Государственное издательство биологической и медицинской литературы. 1938. 219 стр. Цена (в переплете) 3 р. 50 к.

Маркс называл Аристотеля «Александром Македонским философии», и это сравнение поразительно по своей меткости и глубокому смыслу. Философские победы Аристотеля оказались гораздо прочнее, чем плоды военных успехов его ученика. Давно рассыпалась монархия Александра, а учение Аристотеля все продолжало распространяться, захватив области, о существовании которых Александр и не думал. Через полторы тысячи лет еще Данте называл Аристотеля «учителем всех ученых», — слова, которые нашел нужным повторить Гегель. По словам Гамильтона, «все науки несут его печать, и его мысли непосредственно или посредственно определяют соображения всех позднейших мыслителей».

Естественно, что интерес к Аристотелю, затухавший лишь в XVIII в., продолжает чувствоваться и теперь. По мнению Гегеля, Аристотель больше других древних философов заслуживает внимательного изучения, а в «Философских тетрадах» Ленина ряд страниц посвящен ему специально. Издание его сочинений на русском языке можно лишь всячески приветствовать.

В последние годы Соцэргизом были изданы «Метафизика», «Афинская полития» и «Физика» Аристотеля, а Биомедгиз намерен «осуществить впервые на русском языке издание всех трех основных биологических произведений Аристотеля», как мы узнаем из приложенного к рецензируемой книге извещения «От издательства». Исполнение этого обещания началось с издания сравнительно небольшого сочинения Аристотеля «О частях животных». Так как Биомедгиз «осуществляет» свои намерения с большой медлительностью, то последовательность выпуска в свет томов «Классиков биологии» (так называется серия, в которую входят сочинения Аристотеля) имеет существенное значение. Логически и хронологически первым из дошедших до нас более крупных зоологических трактатов Аристотеля надо считать «Историю животных». Однако ее-то Биомедгиз предполагает выпустить в последнюю очередь, руководясь таким странным мотивом: «Издание «Истории животных» Биомедгиз сознательно отодвигает на последнее место, ввиду значительно больших объемов (?) этого произведения» (стр. 6). Неужели внутренняя связь и логическая последовательность произведений перевешивается в глазах Биомедгиза таким случайным признаком, как «большие» или меньшие «объемы» (?) книги.

Все это, конечно, не мешает нам признать, что Биомедгиз взялся за большое и нужное дело, начав издавать зоологические работы Аристотеля. Эти работы, несомненно, стоят выше остальных его естественно-научных произведений. Не раз высказывалось мнение, что если бы от Аристотеля остались только его труды по зоологии, он нашел бы место среди наиболее выдающихся представителей античной науки. Этой областью естествознания он стал заниматься, вероятно, с ранней юности, постепенно

собрал колоссальный фактический материал. По свидетельству Плиния, им было написано 50 книг по зоологии. Из них лишь незначительная часть дошла до нас.

Зоологические работы Аристотеля в основном содержании базируются на лично им собранном и исследованном материале. В этом отношении они разнятся от его других естественно-научных сочинений. Трактую вопросы астрономии или метеорологии (в своих книгах «О небе» или «Метеорология»), Аристотель часто ссылается на мнения «знатоков», тогда как в зоологических работах подобных ссылок почти не встречается, зато упоминаются «вскрытия» животных и другие формы личного знакомства с материалом.

Поразителен исследовательский охват бесчисленных фактов и глубина их трактовки у Аристотеля. Это было возможно, очевидно, лишь при наличии трех условий: широкой государственной помощи, оказанной ему Александром Македонским, строгой организованности и плановости исследовательских работ в Ликее (который в этом отношении резко отличался от платоновской «Академии») и необыкновенной трудоспособности самого автора, сочетавшейся с гениальным даром наблюдательности. В подтверждение последнего, быть может, будет достаточно напомнить слова Кювье, что, например, сделанное Аристотелем описание слона значительно превосходит то, которое дает профессор Д'Обантон (современный Кювье зоолог). Ряд блестящих зоологических открытий Аристотеля был подвергнут сомнению в XVII и XVIII вв., но в XIX в. они были подтверждены выдающимися зоологами.

Несколько грубых фактических ошибок, допущенных Аристотелем, преимущественно в области физиологии (главным образом, ему ставят в вину непонимание роли мозга), не могут умалить колоссального значения проделанной им работы. Ведь было бы нелепо подходить к Аристотелю с теми требованиями, какие мы предъявляем к современному студенту-биологу. Аристотель действительно без критики отнесся к некоторым анекдотическим сообщениям о привычках животных. Так неужели ему, жившему за 2300 лет до нас, будет это поставлено в вину больше, чем некоторым из ныне здравствующих наших виднейших зоологов их легковверное отношение к сказкам о «мыслящих лошадях», будто бы решающих уравнения? А ведь в защиту этих сказок они горячо выступали в печати незадолго до революции. Не ошибками определяется ценность исследований Аристотеля. Его работы чрезвычайно поучительны для современных биологов и философов (и для всех интересующихся философскими и историческими вопросами) уже потому, что Аристотель касается принципиальных вопросов, о которых и теперь ведутся жаркие споры.

Вышедшая в свет книга «О частях животных» привлекала сравнительно мало внимания и меньше других переводилась на новые языки. Однако это пренебрежительное отношение к ней нельзя признать сколько-нибудь справедливым. Подобно огромному большинству дошедших до нас сочинений Аристотеля и этот его трактат представляет собой или черновой набросок или, в лучшем случае, конспект учебника, предназначенного для употребления в Ликее. Не исключена даже возможность, что некоторые из сочинений Аристотеля представляют собой записи его учеников, лишь просмотренные учителем. Наконец, переписчики и редакторы рукописей внесли в них немало посторонних вставок, переделок и добавлений. При таких условиях немудрено, что имеющийся у нас текст нередко бывает неясен, иногда обнаруживает бесспорные следы порчи, во многих местах темен и труден для понимания. Язык, которым написаны почти все дошедшие до нас сочинения Аристотеля, отличается сухостью, сжатостью, часто небрежен и неряшлив. Как он непохож на тот стиль Аристотеля, которым восхищался Цицерон и некоторые другие античные писатели! Не блестяще изложение и зоологических работ, в частности трактата «О частях животных». Книга, несомненно, представляет трудности для читателя, в преодолении которых немалую помощь оказывает толковый комментарий, данный переводчиком, а также краткое изложение отдельных глав, позволяющее с удобством следить за ходом мыслей автора.

Работа переводчика Аристотеля, конечно, очень велика и ответственна. Она ни в коем случае не может быть поставлена на одну доску с наиболее точным и художественным переводом кого-либо из писателей нового времени. Добросовестный перевод Аристотеля—это научный труд, требующий применения приемов исследовательской работы. Этот труд с честью выполнен В. П. Карповым, снабдившим издаваемую книгу краткой биографией и сжатым очерком философского значения Аристотеля.

В этом очерке автор сопоставляет Аристотеля с его учителем Платоном, отмечая, что от платоновского дуализма Аристотелю целиком не удалось освободиться. Следовало бы прибавить, что это освобождение по мере философского роста Аристотеля делало все большие успехи и что зависимость от учителя особенно чувствуется в ранних его работах, тогда как в позднейших он оказывается в большей мере материалистом. Ленин в «Философских тетрадах», неоднократно отмечая колебания Аристотеля между идеализмом и материализмом, вместе с тем возмущался трактовкой Аристотеля, как идеалиста, данной Гегелем. В биологических сочинениях (включая сюда, вопреки Биомедгизу, и трактат «О душе») Аристотель в значительной степени выявляет свои материалистические тенденции. Частично это отмечает и автор вступительного очерка. Думается, что на этом вопросе ему следовало бы остановиться подробнее, не отсылая читателей к книжке Дынника.

Главное значение книги «О частях животных» заключается в том, что в ней Аристотель создает основу сравнительной анатомии. Эта наука отличается, по взгляду Аристотеля, от простого описания животных тем, что устанавливает причины анатомических фактов. Под этим углом зрения очень последовательно подан Аристотелем весь научный материал книги. Для объяснения анатомических структур Аристотель обращается к причинам двоякого рода: одни объясняют, как возникла структура, другие показывают, для чего данная структура служит в организме. Нет сомнения, что Аристотель здесь дает не только каузальное, но и телеологическое толкование явлений. Однако его телеология (по отношению к анатомическим явлениям), по справедливому замечанию В. П. Карпова, всегда имманентна, «т. е. говорит о цели и значении того или другого органа для жизни данного животного» (стр. 26). В этом отношении методология биологических работ Аристотеля сильно отличается от тракток им астрономических и т. п. явлений. В книге «О частях животных» Аристотель вплотную подошел к вопросу о соотношении организма и его частей, как к морфофизиологической проблеме, которая и сейчас ставится в порядок дня ведущей биологической мыслью. «Прирожденная диалектика» Аристотеля сказывается в способе рассмотрения отдельных органов в связи с целым и в связи с другими органами; целый же организм рассматривается как в связи со средой, так и в отношениях к его отдельным частям. Этот широкий метод тотчас себя оправдывает, приводя Аристотеля к установлению корреляций между развитием органов, как к одному из основных принципов формообразования организмов. Как известно, дальнейший шаг в развитии этого плодотворного принципа сделал Кювье; коррелятивным связям придавали большое значение Дарвин и Энгельс («Роль труда в процессе очеловечения обезьяны»), а современные биологи все больше и больше начинают ими заниматься. В подтверждение этих слов приведу свидетельство акад. Шмальгаузена. Охарактеризовав взгляд А. Н. Северцова на проблему корреляций, акад. Шмальгаузен продолжает: «Эта весьма правильная и до сих пор еще не вполне оцененная мысль дает впервые совершенно ясное материалистическое разрешение проблемы взаимного приспособления органов..., которую Г. Спенсер не без успеха выдвинул, как возражение против дарвиновской теории. Это возражение было, несомненно, самым серьезным и до сих пор не вполне отпариванным ударом по теории естественного отбора. Нашей задачей является поэтому дальнейшая разработка указанной теории корреляций (подчеркнуто автором, стр. 10. И. И. Шмальгаузен—

Организм, как целое, в индивидуальном и историческом развитии. Изд. Академии наук, 1938).

Аристотелем дан целый ряд конкретных примеров коррелятивных зависимостей органов у высших животных, — примеров, вызвавших восхищение Кювье. Мы, конечно, отдавая должное Аристотелю, не должны забывать, что ему была чужда идея эволюционного развития. Но в возникновении эволюционных идей (у предшественников Дарвина) немалую роль сыграл установленный Аристотелем же принцип постепенного повышения организации (позднейшей «лестницы существ»). Ряд других выдающихся идей Аристотеля внимательный биолог почерпнет из его зоологических работ.

Биомедгиз, как видно, приложил старание к тому, чтобы облегчить чтение изданной работы Аристотеля и пользование ею. Кроме вводной статьи, мы находим здесь список важнейшей доступной литературы об Аристотеле и специально о его биологических трудах. Более 30 страниц занимают тщательно составленные примечания к тексту. В виде приложения дана (по Мейеру) сводная таблица систематических подразделений животного мира, как их устанавливает Аристотель, и, наконец, терминологический указатель, облегчающий пользование книгой. К числу недостатков надо отнести многочисленные ошибки в греческой транскрипции (особенно в надстрочных знаках), от которых Биомедгиз никак не может освободиться. С внешней стороны книжка издана неплохо. В заключение надо пожелать, чтобы она встретила то внимание читателей, какого вполне заслуживает.

Проф. М. Гремяцкий

КАТОН, ВАРРОН, КОЛУМЕЛЛА, ПЛИНИЙ.—*О сельском хозяйстве.* Под редакцией и с вводной статьей проф. М. И. Бурского. Издание Института истории науки и техники Академии наук СССР. Огиз—Сельхозгиз. 1937, 302 стр., 6 рисунков в тексте, 2 карты и 1 фототипия-вкладка. Цена (в переплете) 6 руб. 50 коп.

В серии «Классики естествознания» Государственное издательство колхозной и совхозной литературы выпустило в 1937 г. хорошо оформленную книгу, содержащую в русском переводе отдельные части трактатов римских писателей о сельском хозяйстве конца республики—начала империи. «При отборе материала,—пишут редакторы (общая редакция—проф. В. С. Сергеева, деловая—проф. М. И. Бурского),—для настоящего сборника мы стремились дать представление читателю об общем характере данного источника, поэтому вместо набора «избранных» отрывков мы предпочитали печатать книги или главы целиком, не сокращая произвольно тех мест, которые могут показаться тому или другому читателю мало интересными» (стр. 5).

Указание на печатание целиком «глав» относится к трактату Катона о сельском хозяйстве, из которого переведены 48 глав при общем их количестве 162; целиком «книги» (в античном понимании этого слова, где подразделение на «книги»—*libri*—обозначало скорее деление на большие главы, чем законченные отдельные книги в нашем смысле) даны из сочинений Варрона, Колумеллы и Плиния. Из варроновых *rerum rusticarum libri tres* избрана для настоящего издания вторая «книга» о животноводстве; из 12 «книг» Колумеллы *de re rustica* полностью переведены, кроме предисловия, книги I и III, в которых говорится о наиболее рациональном выборе и устройстве имения (виллы) и о виноградарстве соответственно. Из большой энциклопедии Плиния Секунда Старшего, охватывающей 37 книг, также целиком даны книги XVII и XVIII о полеводстве и садоводстве в Италии. Большая часть переводов—из Катона, Варрона, Колумеллы и части XVIII книги Пли-